

Колокольчик звякнул во второй раз.

Это означало, что Ши Аньвэй уже готов отправиться к Вратам Шести Путей.

Я погрузил его в сон.

Ши Аньвэй сказал, что достал из мешочка для хранения ручной колокольчик и сложенный лист бумаги.

Это Колокольчик Пожирания Души. Ты наверняка о нем слышал, но, помимо способности похищать души, он может заставить человека забыть о чем-то. Я уже начертал на бумаге заклинание. Если я не вернусь, Ян Синъянь будет на твоём попечении.

Неужели обязательно заходить так далеко?

Если бы он был таким, как я, одиноким странником, я бы дождался самого конца. Но... у него есть вы, у него есть близкие, которые его любят. Я не могу быть настолько эгоистичным и ставить на кон то, что ему дорого. Пожалуй, позволить ему забыть меня — лучшее решение. Дай ему побыть со мной ещё немного.

Фу Цзыюй присел рядом и стал смотреть на горизонт, пока солнце не начало клониться к закату, окрашивая небо в багровые тона.

Наконец Ши Аньвэй пошевелился. Ян Синъянь, словно почувствовав неладное, вцепился в полу его ханьфу.

Ши Аньвэй бережно взял его за руку, ощущая тепло, и Ян Синъянь постепенно разжал пальцы. Ши Аньвэй нежно поцеловал его в тыльную сторону ладони, поднялся и направился на запад. Сделав несколько шагов, он вдруг остановился, обернулся и посмотрел на лицо Ян Синъяня. Ши Аньвэй улыбнулся — улыбкой необычайно красивой и мягкой.

Больше он не оглядывался.

Мир все-таки не пощадил его.

Ши Аньвэй думал об этом, чувствуя, как мир вокруг него наконец обрел смысл, как появились узы, связывающие его с этой землей, как он научился дорожить этим человеческим существованием.

Он коснулся сквозь ткань Камня Реинкарнации, спрятанного на груди.

Пусть мы встретимся в следующей жизни.

Два дня Ши Аньвэй прождал у Врат Шести Путей, сжимая в руках меч. Наконец, после чистого, звонкого перезвона, колокольчик разлетелся на куски.

С неба повалил густой снег — точно так же, как тысячу лет назад, когда явился Ямата-но Ороты, снег посреди июня.

Ши Аньвэй распахнул врата, которые удерживали его взаперти целую вечность.

По ту сторону моста он увидел Ямата-но Ороты, принявшего человеческий облик.

Ши Аньвэй сорвал с себя печать Тайного Сокровища. Сила Души начала расти с каждой

секундой. Тело не выдерживало такого напора, на коже появились трещины, из которых проступили капли крови. Насмешливая улыбка на лице Ямата-но Ороти застыла, а затем сменилась смехом:

— Старик был жесток! Как он мог так с тобой поступить? Эта Сила Души копилась тысячелетиями, верно? Они так с тобой обошлись, а ты все равно пришел служить им, словно верный пес. Как забавно.

Раньше Ши Аньвэй мог бы вспыхнуть от обиды, но теперь — нет.

Этот мир для него больше ничего не значил. Разрушится он или нет, его не касалось. Он хотел защитить лишь одного человека. Он бросился на Ямата-но Ороти, и огромная мощь его души заставила змея стать серьезнее.

Ши Аньвэй хотел попытаться в последний раз. Он хотел жить. Жить, чтобы вернуться к тому человеку.

Но желаемое не стало действительностью. Когда Ши Аньвэй вновь рухнул на землю, ему пришлось признать очевидное — он не может победить Ямата-но Ороти.

Когти змея пронзили его грудь.

Он больше не мог пошевелиться.

Ямата-но Ороти вытер кровь с уголка губ:

— Признаю, для человека ты добился многого. Ши Аньвэй, я запомнил твое имя.

Змей обошел его и ступил на мост. Но не успел он сделать и нескольких шагов, как за спиной повеяло леденящим ужасом. На лице Ямата-но Ороти впервые промелькнула паника.

На теле Ши Аньвэя проступили десятки Печатей Проклятия. С исчезновением каждой из них Сила Души возрастала. Когда пала последняя печать, Ши Аньвэй поднял меч. Его энергия окутала клинок, превратив его в колоссальное оружие из чистой силы.

А затем он с яростью обрушил его на мост.

Раздался хруст, и мост, словно разбитое стекло, рассыпался искрами звездной пыли. Вместе с ним исчезли и Врата Шести Путей.

Ши Аньвэй лежал на земле, наблюдая, как Ямата-но Ороти с яростным ревом падает в бездну.

Неизвестно, сколько времени прошло. Землю укрыл толстый слой снега, силы были на исходе. Кровь Ши Аньвэя окрасила сугробы, словно под ним расцветали цветы хиганбана.

Он протянул руку к угасающим искрам Врат, и слезы, смешанные с кровью, покатались по его щекам.

Он так хотел вернуться.

Если бы только он встретил Ян Синъяня раньше, тогда бы он успел. О боги, что я сделал не так? Почему вы так со мной? Если вы слышите меня... если вы слышите, умоляю, позвольте мне увидеть его еще раз.

Воспоминания, словно калейдоскоп, проносились перед глазами. В каждом из них был этот человек. Последний кадр — он смотрит на Ши Аньвэй с улыбкой. Глядя на это лицо, Ши Аньвэй невольно улыбнулся в ответ, а затем его рука бессильно упала на землю.

Почти всю свою жизнь Ши Аньвэй ждал смерти, но в самом конце обрел причину, ради которой стоило жить.

Ян Синъянь увидел сон: мужчина идет впереди, а он пытается его догнать. Мужчина внезапно останавливается, оборачивается и одаривает его легкой улыбкой. Но как только он догоняет его и касается рукой, тот рассыпается звездными искрами.

Ян Синъянь вздрогнул и проснулся в своей постели. Ему казалось, что он что-то забыл. Он увидел родителей, с беспокойством смотревших на него, и своего друга Фу Цзыюя.

— Что со мной?

— Ты попал в беду во время задания.

— Вот как...

Ян Синъянь взглянул в окно и с удивлением обнаружил, что все вокруг завалено снегом, хотя на дворе июнь.

Снегопад прекратился, и солнечные лучи пробивались сквозь облака, играя на снегу.

— Ян Синъянь, что с тобой? Еще где-то болит?

Ян Синъянь удивился, почему мать задает такие вопросы, и тут почувствовал холод на своем лице.

Что случилось? Почему я плачу? Почему на душе так тяжело?

— Ты просто еще не оправился, тебе нужно больше отдыхать.

— Правда?

Ян Синъянь лег на подушку. Родители и Фу Цзыюй вышли из комнаты. Как только дверь закрылась, мать Ян Синъяня не выдержала и зарыдала на плече у мужа.

Лежа в постели, Ян Синъянь скосил глаза на прикроватную тумбочку и увидел белый камень. Он не знал, что это такое, но чувствовал, что это нечто невероятно важное.

Ян Синъянь не видел смерти Ши Аньвэй, а вот Чэн Хаоянь видел. Он смотрел, как Чэн Синьбо падает на снег, в глазах которого читалась душераздирающая скорбь. Он видел слезы, катившиеся по щекам Чэн Синьбо — тот смотрел прямо в камеру, словно в самую душу Чэн Хаояня.

Сердце Чэн Хаояня сжалось. Он отчетливо понимал: это чувства, принадлежащие Ян Синъяню.

Чэн Хаоянь не стал подавлять их. Такое случалось редко, может, потому, что этим человеком был Чэн Синьбо, а может, потому, что их игра не была лишь притворством.

Ему было больно оттого, что Ши Аньвэй умер так безмолвно, заставив любимого человека забыть о себе. Если самый близкий человек не помнит тебя, кто тогда будет помнить? Чэн Хаоянь не мог представить, как бы он сам сломался, если бы этим человеком оказался Чэнь Синьбо.

Хорошо, что это всего лишь кино.

Раздалась команда Снято! Чэнь Синьбо, собравшись с силами, поднялся. Эта сцена далась ему нелегко — слишком много эмоций, да и искусственная кровь неприятно липла к телу.

Подняв голову, он увидел Чэн Хаояня, который смотрел на него покрасневшими глазами.

Заметив взгляд Чэнь Синьбо, Чэн Хаоянь тут же отвел глаза.

Чэнь Синьбо хотел спросить, что случилось, но Мэн Ваньчжоу уже увела его в гримерку отмываться.

Вечером должен был состояться праздничный банкет, но Мэн Ваньчжоу заметила, что Чэн Хаоянь выглядит неважно и весь вечер молчит, что для такого энергичного человека было странно. Она решила, что он заболел, и попросила Чэнь Синьбо отвезти его домой.

Едва закрылась входная дверь, Чэнь Синьбо был с силой прижат к ней. Знакомые мягкие губы накрыли его, обжигая жаром.

Чэнь Синьбо смотрел на серьезное лицо Чэн Хаояня.

Не дождавшись ответа, Чэн Хаоянь добавил:

— Я боюсь... что если когда-нибудь что-то случится, ты ничего мне не скажешь, будешь нести всё в одиночку, а то и вовсе... уйдешь навсегда.

Чэнь Синьбо поцеловал его в нахмуренное межбровье:

— Не дождешься. Моему Чэн Хаояню не нужна моя защита, он тот, кто держит меня за руку и идет рядом.

Чэн Хаоянь не ответил, лишь обвил шею Чэнь Синьбо и снова прильнул к губам. Слезы катились по щекам — слезы счастья от его искренности и признания.

На следующий день они вместе пришли в компанию. Один в водолазке и полный сил, другой в футболке и совершенно разбитый.

Мэн Ваньчжоу, глядя на тридцатиградусную жару и Чэнь Синьбо в водолазке, лишь растерянно моргнула.

Чэнь Синьбо и так был белокожим, а высокий воротник лишь подчеркивал его шею.

Подшутив над ним, Чэн Хаоянь, смутившись, сам же натянул на него эту водолазку.

Хотя Чэн Хаоянь садился очень медленно и осторожно, он все равно негромко вскрикнул от боли.

— Что с тобой? — заботливо спросила Мэн Ваньчжоу.

Чэн Хаоянь с натянутой улыбкой ответил:

— Геморрой.

И свирепо зыркнул на Чэнь Синьбо.

Тот стоял рядом, прикрыв рот кулаком, чтобы скрыть неудержимую улыбку.

График на сегодня был несложным, в основном обсуждение дальнейших планов.

Чэн Хаоянь предложил заехать к нему домой за вещами, и Чэнь Синьбо, будучи свободным, поехал с ним.

За рулем был Чэнь Синьбо. По дороге Чэн Хаоянь то и дело украдкой поглядывал на него, размышляя: прошлым летом он только пытался добиться этого мужчину, а этим летом уже полностью его завоевал.

Я такой молодец.

Чэн Хаоянь был собой очень доволен.

Он смотрел на Чэнь Синьбо с обожанием, и как только они вошли в дом и закрыли дверь, он, не раздумывая, бросился его целовать.

Внутри Чэнь Синьбо притянул его к себе, легонько коснулся мочки уха и тихо спросил:

— Хочешь поехать со мной домой на этой неделе?

— Брат! Ты вернул... — раздался сзади девичий голос, а затем внезапно оборвался. В комнате воцарилась тишина.

Это была младшая сестра Чэн Хаояня, Чэн Ваньцзя. Чэн Хаоянь зарылся лицом в грудь Чэнь Синьбо, не смея обернуться.

Чэн Ваньцзя, очевидно, мыла посуду — на руках были резиновые перчатки, а в руках тарелка с пеной.

Чэнь Синьбо смотрел прямо на нее. Ее состояние было странным: восторг, шок и... радость?

Тарелка выскользнула из рук Чэн Ваньцзя и разбилась.

— Дрянная девчонка, я же просила тебя... — раздался голос из кухни.

Чэн Ваньцзя, словно очнувшись, не дожидаясь окончания фразы, во весь голос закричала:

— Мама! Брат привел своего парня, о котором все сплетничают!

Затем она побежала на кухню, выкрикивая:

— Я же говорила, что это правда! Наш пейринг стал реальностью!

Чэн Хаоянь наконец пришел в себя, вырвался из объятий Чэнь Синьбо и бросился вдогонку:

— Чэн Ваньцзя, закрой рот!

Последовал хаос, и вскоре четверо сидели за обеденным столом: Чэнь Синьбо с Чэн Хаоянем с одной стороны, сестра с матерью — с другой.

Мать приехала навестить сына и приготовить обед, а попала на такую сцену.

Чэн Ваньцзя с восторгом поглядывала то на Чэнь Синьбо, то на брата, не скрывая своих чувств.

— Кхм-кхм! — мать Чэн Хаояня прочистила горло и посмотрела на Чэнь Синьбо. — Сколько тебе лет?

— Двадцать девять, — Чэнь Синьбо сидел прямо, было заметно, что он нервничает.

— Кем работаешь?

— Дерматологом, сейчас вместе с Хаоянем снимаюсь в кино.

— Когда собираетесь пожениться?

— Собираемся... что? — Чэнь Синьбо редко терял самообладание, но сейчас его глаза округлились, а губы приоткрылись. Он не поверил своим ушам и с изумлением уставился на мать Чэн Хаояня.

— Мама! Ты согласна? — в глазах Чэн Хаояня светилось обожание.

— Страна уже согласна, с чего бы мне быть против! — мать с досадой посмотрела на сына, а затем вновь перевела взгляд на Чэнь Синьбо с доброй улыбкой: — Тем более, Чэнь Синьбо такой красавец.

Теперь стало ясно, от кого Чэн Хаояню передалась слабость к лицам вроде Чэнь Синьбо.

— Отец, наверное, будет против? — осторожно спросил Чэн Хаоянь.

Как и ожидалось, мать ударила по столу ладонью и яростно произнесла:

— Да как он посмеет!

Чэн Хаоянь отчетливо почувствовал, как мужчина рядом с ним вздрогнул.

Он украдкой взглянул на Чэнь Синьбо — тот мастерски владел собой, но Чэн Хаоянь, зная его так долго, видел, что он немного напуган.

Вспомнив, что они не одни, мать Чэн Хаояня смущенно улыбнулась:

— Давайте есть, я приготовила много вкусного.

Она только собралась встать, как Чэнь Синьбо поднялся и поклонился ей:

— Прошу прощения, тетушка, что вы стали свидетелем такой неожиданной сцены. Я обязательно приду к вам официально, чтобы рассказать вам и дяде о наших отношениях.

На самом деле мать знала о чувствах сына давно.

В конце концов, она растила его двадцать с лишним лет, и любовь в его глазах от нее было не скрыть. Сначала она волновалась, но потом отпустила ситуацию — Чэн Хаоянь всегда был послушным, но имел собственное мнение, а главное, она видела, как он счастлив.

Сегодня, увидев, как Чэнь Синьбо дорожит ее сыном, последние сомнения исчезли.

Она улыбнулась и помогла Чэнь Синьбо подняться:

— Я спокойна за тебя.

— Почему? — Чэн Хаоянь склонил голову на плечо Чэнь Синьбо, обнимая его за шею, и с лукавой улыбкой спросил, хотя прекрасно знал ответ.

Чэнь Синьбо посмотрел на него с нежностью:

— Потому что я не могу дождаться, когда мы поженимся. Знаешь, я так счастлив, что твоя мама приняла меня, поэтому не хочу больше ждать.

Чэн Хаоянь потянулся к его губам:

— Тогда не будем.

Чэнь Синьбо смотрел на него с потемневшими от страсти глазами.

В итоге Чэн Хаоянь заснул в его объятиях.

Впервые они стояли на одной сцене перед своими фанатами.

Это был их первый офлайн-промоушен, и людей пришло гораздо больше, чем они ожидали.

Видя фанатов с плакатами и кричалки, Чэнь Синьбо почувствовал, как теплеет на душе.

Чэн Хаоянь прошептал ему на ухо:

— Отличное чувство, правда?

Чэнь Синьбо кивнул.

Он мельком взглянул на толпу и увидел знакомый силуэт. Несмотря на кепку и маску, он сразу узнал Чжун Ситан.

Так вот почему она говорила, что тяжело заболела и ей нужно отдохнуть?

Чжун Ситан, почувствовав его взгляд, виновато натянула кепку ниже.

Энтузиазм фанатов заразил и Чэнь Синьбо — он начал вести себя более открыто, не скрывая своей привязанности к Чэн Хаояню.

Если бы кто-то сказал ему раньше, что он будет заниматься этим, он бы не поверил. Но Чэнь Синьбо был рад, что нарушил свои правила.

День поездки домой к Чэнь Синьбо был назначен.

Сначала все шло хорошо, но в день отъезда Чэн Хаоянь начал нервничать, целый час выбирая одежду. В конце концов, Чэнь Синьбо не выдержал и сам нарядил его в то, что посчитал подходящим.

Когда они подъехали к поместью Чэнь Синьбо, Чэн Хаоянь не мог сдержать восхищения: оказывается, Чэнь Синьбо — настоящий аристократ. Ландшафтный дизайн был безупречен, сад с каменным мостиком, ручьями и ухоженными растениями был просто сказочным.

По мере того как машина продвигалась вперед, перед ними предстал белоснежный особняк.

Их встретили слуги.

Войдя в дом, Чэн Хаоянь заметил резкий контраст с внешним миром. Обстановка была строгой, в точности как в кабинете Чэнь Синьбо.

В гостиной на диване сидели двое: женщина с прямой спиной и утонченными манерами и мужчина, который был точной копией Чэнь Синьбо в молодости. Мужчина сжал губы и молчал.

— Мама, отец, — произнес Чэнь Синьбо.

— Здравствуйте, — послушно добавил Чэн Хаоянь.

Женщина мягко улыбнулась:

— Это и есть Чэн Хаоянь? Действительно, очень воспитанный ребенок.

Чэнь Синьбо, не отпуская руки Чэн Хаояня, усадил его рядом с собой. Чэн Хаоянь хотел было отстраниться, боясь, что это неуместно, но Чэнь Синьбо легонько сжал его ладонь, успокаивая.

— Чэн Хаоянь, хочешь, чтобы кто-нибудь показал тебе дом? — спросила мать.

Было очевидно, что она хочет поговорить с сыном без свидетелей.

Чэн Хаоянь послушно кивнул и хотел встать, но Чэнь Синьбо удержал его.

— Я знаю, что ты хочешь сказать. Нет ничего такого, что Хаоянь не мог бы услышать.

Он погладил руку Чэн Хаояня. Мать была удивлена: она впервые видела, чтобы сын так кого-то защищал.

Тут подал голос отец:

— Ничего, пусть слушает. Я видел вас по телевизору. — Он бросил взгляд на сына. — Я удивлен, что ты занялся актерством. Рекламный ролик я посмотрел, сыграно неплохо, так что это я прощу. Но ваши отношения с Чэн Хаоянем мы не поддерживаем.

Услышав это, Чэн Хаоянь помрачнел. Хотя он готовился к такому, услышать это в реальности было больно. Но сдаваться он не собирался. Он сжал руку Чэнь Синьбо, переплетая пальцы.

Чэн Хаоянь сел ровнее и, отбросив свою привычную улыбку, серьезно произнес:

— Дядя, тетя, я очень люблю его. Чэнь Синьбо стал частью моей жизни. Мой доход, может, и не сравнится с его, но я могу обеспечить нам достойную жизнь. Если захотим детей, мы договорились взять ребенка из детского дома. Спасибо, что вырастили такого человека.

Встретить его и полюбить — моя удача.

Родители хотели что-то возразить, но Чэнь Синьбо опередил их:

— Папа, мама. Поверьте мне. Я когда-нибудь вас подводил? В этот раз я тоже уверен, что мы с Чэн Хаоянем справимся.

В огромном особняке долго стояла тишина, пока отец, тяжело вздохнув, не сказал:

— Я понял. Садитесь ужинать с нами.

Это было сказано Чэн Хаояню. Хотя прямого согласия не прозвучало, Чэн Хаоянь понял: их приняли.

Он радостно посмотрел на Чэнь Синьбо и увидел в его глазах такое же счастье.

Родители Чэнь Синьбо давно предчувствовали этот день. Сначала отец был разочарован, не в силах принять, что его блестящий сын выбрал парня. Но он понимал, что сын настроен серьезно. Чэнь Синьбо никогда не подводил их, всегда был лучшим во всем. В детстве они были строги, но он справлялся со всем, поэтому они никогда не беспокоились. Он всегда следовал их плану, и они, будучи слишком спокойными за него, упустили время для близости.

Когда они увидели в соцсетях, как светятся глаза сына рядом с Чэн Хаоянем, как он смеется, их решимость препятствовать пошатнулась. А когда они увидели, как их сын, обычно такой уверенный, проявляет уязвимость, тревогу и надежду, они поняли: пути назад нет.

После возвращения из дома родителей оба выдохнули с облегчением.

Поездка к родителям Чэн Хаояня прошла легко: сестра стала их главным фанатом, а отец, попытавшийся было напустить важности, тут же сник под взглядом жены.

Вскоре начался показ Один сон. Каждый вечер они смотрели его вместе, обнявшись, и читали отзывы в интернете.

Неожиданно сериал имел огромный успех. Зрители были в восторге от спецэффектов, костюмов и сюжета.

— Я думал, это сериал только для красоты, прошу прощения за свое легкомыслие. Костюмы великолепны, теперь у меня есть четкий образ онмёдо.

— Сюжет супер! Ян Синъянь — ангел во плоти. Не страшно, если кто-то богаче или красивее тебя, страшно, когда такой человек еще и старается больше тебя.

— Сердце разрывается, глядя на Ши Аньвэя. Вы видели этот взгляд? Ох, Ян Синъянь, ну же, действуй, пожалей своего муженька!

— Только мне кажется, что взгляд Чэнь Синьбо, обращенный к Чэн Хаояню, не такой уж простой?

— Ты не один такой, дружище!

Сегодня у Чэнь Синьбо была операция, поэтому Чэн Хаоянь отправился на мероприятие один.

В разгар событий к нему подбежал взволнованный Мэн Ваньчжоу, размахивая телефоном. Чэн Хаоянь редко видел его в таком растрепанном состоянии.

Мэн Ваньчжоу, тяжело дыша, не успел даже вымолвить слова. Чэн Хаоянь испугался, что случилось что-то плохое, и обеспокоенно спросил:

— Что случилось, брат? Что произошло?

— Радостная весть, Хаоянь! Лу Аньянь из фильма Мак номинирован на звание лучшего актера второго плана в Азии! Это огромная награда! Ты слышишь меня? Хаоянь? Хаоянь!

Номинация на лучшего актера второго плана в Азии?!

Эти слова эхом отдавались в голове у Чэн Хаояня, заглушая всё остальное. Он застыл в полном оцепенении.

Он не помнил, как закончилось мероприятие. Очнулся он уже у дверей знакомой больницы. Даже не позаботившись о маскировке, он влетел внутрь и, заметив Чжун Ситан за стойкой регистрации, подбежал к ней:

— Где Чэнь Синьбо?

— Он еще в операционной, скоро должен выйти. Ты можешь...

— В какой палате? — перебил её Чэн Хаоянь, не дослушав.

Несмотря на удивление, Чжун Ситан, видя тревогу на его лице, указала путь. Усевшись у дверей операционной, Чэн Хаоянь наконец пришел в себя, и эмоции, словно прорвавшаяся плотина, захлестнули его, погружая в омут чистого восторга.

Наконец, лампа над дверью сменила цвет на зеленый. Медсестры выходили одна за другой, а следом появился и Чэнь Синьбо.

Не заметив Чэн Хаояня, он сначала дал указания родственникам пациента, и лишь когда те ушли вслед за каталкой, он увидел сидящего на скамье неподалеку Чэн Хаояня.

— Почему ты не пошел... — хотел было спросить Чэнь Синьбо, почему тот не дождался его в кабинете, но не успел договорить: парень, словно пружина, сорвался с места и бросился ему на шею.

Чтобы Чэн Хаоянь не упал, Чэнь Синьбо поспешно устоял на ногах и подхватил его под бедра. В ушах прозвучал взволнованный голос:

— Брат, меня номинировали на звание лучшего актера второго плана в Азии!

— Правда? Хаоянь, ты невероятный.

— Брат, я так счастлив! Я всегда мечтал оказаться на той церемонии, и теперь это станет реальностью!

— Потому что ты отлично сыграл и вложил в это всю душу. Но... давай сначала пойдем в кабинет, хорошо?

Сейчас Чэн Хаоянь висел на Чэнь Синьбо, обхватив его шею руками, а тот поддерживал его снизу. Поскольку они были в больничном коридоре, вокруг было полно людей, и самые смелые уже начали их фотографировать.

Покраснев, Чэн Хаоянь соскочил на пол и, схватив Чэнь Синьбо за руку, потащил его прочь.

Чэнь Синьбо уже мог представить себе громкость голоса Мэн Ваньчжоу. И действительно, видео с этим моментом в больнице тут же разлетелось по сети. Телефоны обоих разрывались от звонков, и на экране неизменно высвечивалось имя Мэн Ваньчжоу. Ни один из них не решался взять трубку.

В конце концов, не выдержав жалобного взгляда Чэн Хаояня, Чэнь Синьбо ответил.

— Вы двое!!!

Чэнь Синьбо не рискнул поднести трубку к уху, но даже на расстоянии было слышно, как рычит Мэн Ваньчжоу. Даже Чэн Хаоянь, стоявший рядом, вздрогнул.

Впрочем, в итоге всё обошлось без негативных последствий. Напротив, это принесло проекту Мечта огромную популярность, поэтому в компании их лишь заставили написать объяснительные.

Глядя, как привычно и ловко Чэн Хаоянь строчит свою объяснительную, Чэнь Синьбо хмурился, глядя на чистый лист перед собой. Он писал её впервые и понятия не имел, что делать!

Последующие мероприятия Чэн Хаоянь посещал в основном один. В день церемонии награждения он отправился туда вместе с Хуан Лэжуном. Перед уходом Чэнь Синьбо прижал Хуан Лэжуна к стене и настоятельно потребовал присматривать за его мальчиком.

Хуан Лэжун отчитал его: за весь день он сказал больше слов, чем за всё время их знакомства.

В конце концов, Чэн Хаоянь успокоил Чэнь Синьбо, и тот отступил. Вернувшись домой, он не отходил от экрана, следя за прямой трансляцией. Чэн Хаоянь был в черном костюме, который

придавал ему необычную, строгую элегантность. Читая комментарии в духе наша доченька сегодня просто красавец, Чэнь Синьбо почувствовал прилив гордости.

Наконец, наступил момент вручения награды за лучшую мужскую роль второго плана. На большом экране показывали фрагменты игры номинантов, а затем дошла очередь до Лу Аньяня в исполнении Чэн Хаояня. Это была финальная сцена:

Небо, окрашенное багрянцем пожара, белая рубашка, на которой, словно маки, расцветали пятна крови. На губах юноши, окрашенных алым, играла самая искренняя улыбка — улыбка, полная смирения, прощания с другом и тоски по свободе. Он махнул рукой и исчез в огне.

— Чэн Хаоянь!

В тот момент, когда ведущий назвал его имя, камера тут же выхватила Чэн Хаояня. Он сидел в полном изумлении, не веря своим ушам. Только когда Хуан Лэжун легонько подтолкнул его, он очнулся, поднялся и вышел на сцену.

Подавив бурю восторга, Чэн Хаоянь принял награду. В своей речи он благодарил режиссера, команду, компанию и Хуан Лэжуна за заботу. В конце он сделал паузу, посмотрел прямо в камеру и с улыбкой добавил:

— Спасибо, что всё это время был рядом.

Его улыбка была такой же чистой и сияющей, как в тот день, когда Чэнь Синьбо впервые увидел его в торговом центре.

— И я благодарю тебя за то, что ты подарил мне такую прекрасную жизнь, — тихо прошептал Чэнь Синьбо, глядя на экран.

Что было после, он не особо вникал. Увидев, что Хуан Лэжун снова получил награду за лучшую мужскую роль, Чэнь Синьбо выключил телевизор. Что именно тот сказал — не имело значения, каждый год их благодарственные речи были почти одинаковыми.

Чэнь Синьбо приготовил много вкусного, дожидаясь возвращения Чэн Хаояня.

Вернувшись к дому, Чэн Хаоянь поднял голову. Окна их с Чэнь Синьбо квартиры светились теплым светом, согревая его сердце.

Он нетерпеливо вошел внутрь. Звук отпираемого замка отчетливо прозвучал в ночной тишине.

Переступив порог, Чэн Хаоянь ощутил привычный уют и покой. Чэнь Синьбо прислонился к дверному косяку и с улыбкой смотрел на него.

— Брат, — Чэн Хаоянь просиял, — я дома.

С выходом Мечты популярность Чэнь Синьбо взлетела до небес. Многие индивидуальные графики Чэн Хаояня были переделаны в совместные, и вскоре настал день финального показа.

Возможно, из-за участия Хуан Лэжуна билеты разошлись моментально, зал был полон. После короткого приветствия начался показ.

На экране Ши Аньвэй расставался с Ян Синъянем: пылающее небо, прощальный поцелуй, одинокая фигура и последний взгляд через плечо. В зале тут же послышались всхлипы.

Чэнь Синьбо взглянул на соседа: Чэн Хаоянь уже вытирал покрасневшие глаза.

Чэнь Синьбо с улыбкой покачал головой и в полумраке зала ободряюще похлопал его по спине. Чэн Хаоянь повернулся, глубоко вздохнул и крепко сжал его руку.

На экране Ши Аньвэй лежал на снегу, со слезами моля богов. Такой сильный мужчина, сломленный судьбой, он не надеялся на счастье в этой жизни, мечтая лишь о встрече в следующей.

А в финале, когда воспоминания Ян Синъяня о Ши Аньвэе стерлись, его тело всё еще помнило того, кто был ему дорог. Видя июньский снег, он рыдал навзрыд.

В зале зажегся свет. Никто не проронил ни слова, все вытирали слезы салфетками. Даже Чэн Хаоянь шмыгал носом.

Пришлось признать: Мечта имела оглушительный успех.

Когда все актеры поднялись на сцену, ведущий помог разрядить обстановку. Они обсуждали сюжет и забавные случаи со съемок.

В конце, во время сессии вопросов и ответов, кто-то спросил:

— Будет ли продолжение? Будут ли они вместе в следующей жизни?

Чэн Хаоянь хотел взять микрофон, но человек рядом опередил его:

— Хотя Ши Аньвэй и Ян Синъянь не остались вместе, Чэнь Синьбо и Чэн Хаоянь будут вместе всегда. Мы завершим то, что они не успели.

Зал взорвался аплодисментами и радостными криками. Чэн Хаоянь в замешательстве смотрел на Чэнь Синьбо, а тот ответил ему лукавым взглядом.

Чэн Хаоянь рассмеялся, подыгрывая этому редко проявляющему детскую непосредственность мужчине.

Хуан Лэжун, стоявший в самом выгодном месте, с иронией подумал, зачем он вообще решил оказаться рядом с этой парочкой.

Чэн Хаоянь произнес:

— Я очень счастлив и мне невероятно повезло, что рядом со мной Чэнь Синьбо. Он многому меня научил, направлял, когда я терялся, и учил быть смелым. Когда мне было грустно, он обнимал меня, а когда я сталкивался с трудностями, мы проходили через них вместе.

После выхода последней серии зрители одновременно восторгались и рыдали. Они грозились прислать режиссеру посылку с лезвиями и днями напролет пересматривали их совместные материалы, чтобы залечить свои израненные сердца.

— Режиссер, ты заманил меня в ловушку! Я думал, когда упомянули Меч Кусанаги, Ши Аньвэя еще можно спасти! Как вы могли так поступить?

— Ох, хорошо, что есть Чэнь Синьбо и Чэн Хаоянь, иначе как бы я это пережил?

— Жду продолжения, не верю, что Ши Аньвэй просто так умер. Он всю жизнь страдал, почему он не заслужил счастливого финала?

— Боже, это заявление на финальном показе было серьезным? Так мило, неужели я наткнулся на настоящую пару?

Поклонников у них становилось всё больше, графики — всё плотнее. У них появились общие фан-встречи и даже зарубежные поездки.

Чэн Хаоянь сопровождал Чэнь Синьбо в больницу, чтобы уладить дела. Сидя в кабинете, который стараниями Чэн Хаояня превратился в его второй маленький дом, он привычно открыл нижнюю полку книжного шкафа. За строгим фасадом скрывались запасы закусок.

Пока он выбирал, что перекусить, легкий ветерок донес аромат цветов. Чэн Хаоянь подошел к окну и увидел, что на зеленых ветвях снаружи распустились крошечные желтые цветы. Только тогда он осознал, что лето снова подходит к концу.

— Ты закончил? — Чэн Хаоянь увидел, как в кабинет вошел Чэнь Синьбо.

Тот кивнул, но тут же помедлил и покачал головой:

— У меня осталось еще одно дело.

— Какое?

Чэнь Синьбо подошел к нему, достал из кармана маленькую черную коробочку и медленно открыл её. Внутри лежала пара платиновых колец с изящным узором и крошечными буквами: на одном Р, на другом Y.

Он посмотрел Чэн Хаояню в глаза, полные безграничной любви, и тихо спросил:

— Чэн Хаоянь, ты согласен провести со мной всю жизнь?

— Я ждал этого дня всю свою жизнь.

Солнце стояло в зените, золотистые лучи проникали сквозь стекло, освещая влюбленных. Они стояли, держась за руки, и на их пальцах сияли платиновые кольца с инициалами друг друга.

<http://bllate.org/book/20731/2075382>